

A close-up photograph of a person's hands holding a brown teddy bear. The person is wearing a yellow shawl over a maroon top. The background is softly blurred, showing some red flowers. In the top left corner, there is a semi-transparent white box containing the text '18+'.

18+

авторы-составители

Марина Генцарь-Осипова
Мария Синюкова

Хранители семейных историй

ЦИКЛ ПИШИ КАК ХУДОЖНИК

Марина Генцарь-Осипова
Хранители семейных историй.
Цикл «Пиши как художник»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63696193
ISBN 9785005186904*

Аннотация

Это третий сборник из цикла художественных рассказов «Пиши как художник». 50 рассказов лонглиста вошли в сборник по следам текстового марафона «Хранители семейных историй», совпавшего по времени с глобальным карантином. В условиях 2020-го из-за ограничений и нагнетания чувствовалося особое настроение и потребность в эмоциональном наполнении. Сборник получился глубоким, искренним и душевным. Читая рассказ за рассказом, вы будете встречать самых разных хранителей семейных историй.

Содержание

Предисловие	5
Светлана Дуюнова	8
Татьяна Рамос	16
Екатерина Бастракова	24
Наталья Жеглова	31
Ксения Ганжа	39
Злата Москвина	47
Елена Мазыватова	54
Юлия Кочергина	61
Ася Бриз	67
Татьяна Юрченко	76
Екатерина Сиротина	80
Лариса Аксенова	87
Конец ознакомительного фрагмента.	92

**Хранители
семейных историй
Цикл «Пиши
как художник»**

Марина Генцарь-Осипова *Автор-составитель*

Мария Синюкова *Автор-составитель*

Литературное ателье «Пиши как художник» *Редактура*

ISBN 978-5-0051-8690-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Марина Генцарь-Осипова

Бабушкин буфет и старый чемодан. Вековой тульский самовар и хрустальная вазочка. Брошь, что камушек за камушком собирала бабушка морщинистыми пальцами. Толстый ворсовый ковёр другой бабули. Мой самый первый плюшевый медведь – ровесник.

Подумать только, Топтыгину уже 39 лет. Сперва он жил в детской комнате, затем переехал вместе со мной в другой город и перебрался на полку рядом с куклой Настей и детскими книгами с родительского чердака. А ещё там стоит шкапулка с советскими открытками, исписанными детским почерком. Их подписывали одноклассники на мои дни рождения.

Хлам?

Нет. Это мои сокровища.

Хранители семейных историй.

Бабушкин буфет отреставрирован и продолжает служить уже четвёртому поколению семьи. Разменял восьмой десяток лет и периодически скрипит артритными петлями. Я выслушиваю и бережно смазываю. Вековой самовар намедни разливал чай на дачной веранде – как он был счастлив оттого, что нужен, полезен. Там же, на веранде, в лучах солнца

поблѣскивала обновлѣнным лаком старая швейная машинка бабушки. Она теперь стала консолью и наслаждается новой ролью. Ей пользуются и чтят десятилетия нахождения в семье.

Люблю вдыхать новую жизнь в старые, потерявшие товарный вид вещи. Топтыгин, кукла Настя и собрание открыток в шкатулке остались в первозданном виде. Не для пользования. Для души.

Я искренне верю, что каждая вещь может рассказать о своих хозяевах – стоит лишь захотеть услышать. Вокруг каждого из нас живѣт целый мир вещей, каждая из которых хранит свою историю.

#

Это мамина чашка с трещинкой – мама уронила её, увидев щенка, которого ей принѣс отец, ваш дедушка, на день рождения. Вулкан детского восторга в одной маленькой трещинке.

#

Или вон та старая плюшевая собака с оторванным ухом – её мягкий бок хранит следы ваших слѣз после неудавшегося свидания с мальчиком из соседнего класса.

#

И сколько их, таких историй! Стоит только прислушаться, бережно упаковать их в слова, не растерять по дороге самое важное, сокровенное. И пережить ещё раз те милые, грустные или самые счастливые моменты. Из которых и соткана

наша жизнь.

«Хранители семейных историй» – третий сборник рассказов из цикла литературного ателье «Пиши как художник».

В сборник вошли 50 рассказов лонглиста по итогам авторского марафона текстов. Каждый из них искренний и душевный. Переходя от рассказа к рассказу, вы будете встречаться с самыми разными хранителями семейных историй.

Приятного путешествия по реке воспоминаний.

Светлана Дуюнова

@svetlana_duyunova

БЕРЕГИНЯ

– Дом надо осмотреть, – на ломаном русском проговорил немец в сапогах с высокими голенищами. – Будто дышит кто.

#

– Нежилое все, стылое, – окинул взглядом комнату другой и сделал пару шагов в сторону серванта. – Иди в задней глянь, а я тут.

#

У буфета с резными дверцами он покрутил в руках чашку со сломанной ручкой, довольно присвистнул и сунул в карман серебряную ложечку.

#

Танюшка зажмурилась, прикрыла ладошкой рот и замерла. Вдруг в носу закрутило, засвербело, словно туда попали кусочки ваты из обвисшего матраса.

#

– Апчхи! – не выдержала она.

#

– Кто здесь? – фриц приподнял край одеяла и заглянул под кровать. Девочка сидела с зажатым ртом и закрытыми глазами.

#

Мужчина дружелюбно улыбнулся и аккуратно убрал ладошку с ее лица:

#

– Как тебя зовут?

#

Танюшка от испуга придвинулась к металлической ножке и нахмурилась при виде фашистской символики.

#

– Не бойся, свой я, – поспешил успокоить мужчину.

#

В сенях послышался шум, немец заторопился.

#

– Держи, – он достал из-за пазухи тряпичную куклу и сунул девочке. – Волшебная. Что загадаешь, обязательно исполнится.

#

Скрипнули половицы, дверь отворилась.

#

– Что у тебя? – первый был с бородой и невысокого роста. – Ничего?

#

– Ничего, – фриц специально спустил одеяло до пола и принялся отряхиваться. – Уходим.

#

Танюшка слышала, как хлопнула калитка, как выругалась

бабка Маня, когда немецкие солдаты в шутку поволокли ее однорогую козу. Еще долго ветер стучал пустым ведром у колодца, а когда все стихло, она решила покинуть тайное место и разглядеть подарок.

#

Это была кукла-оберег. Безликая и мягкая на ощупь. В платье из некрашеного льна, искусно расшитом разноцветными узорами. На голове платок из кружева, а на талии – веселенький передничек. Танюшка внимательно посмотрела на берегиню и протянула разочарованно:

#

– У тебя даже глазок нет. Как с тобой играть?

#

Затем приложила ее к уху. Прислушалась. Снова приложила.

#

– Стучит, – восторженно произнесла она. – Правда, стучит.

* * *

– Ба, у куклы, правда, сердечко? – семилетняя Соня приложила к уху залатанную берегиню и прислушалась к стуку, что шел изнутри.

#

– А немец был ненастоящий? – перебил сестру смелый Никитка.

#

– Всем спать, – в комнату вошла мама двойняшек. – Бабушке нужно отдыхать. Завтра продолжите расспросы.

#

– Чур, я с куклой, – Соня прижала игрушку и вопросительно посмотрела на бабушку. Старушка одобрительно кивнула и поспешила успокоить насупившегося внука:

#

– А ты положи с собой меч и будь начеку. Танюшку с куклой ждут приключения.

#

Пожилая женщина проводила взглядом родных и тяжело вздохнула. Болью в груди отзывались воспоминания из детства. Не отпустило.

#

– Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь, – капли сердечной настойки неспешно разбивались о толстое дно стакана и возвращали в прошлое.

* * *

– Двадцать восемь, двадцать девять, тридцать, – Танюшка восторженно отсчитывала звуки, исходившие из груди куклы. Смеркалось. Спихватилась. Принялась наскоро засовывать берегиню под платье. Чтобы не упала, обмотала бечевкой.

#

– Эй, сиротская, что там у тебя? – главарь мальчишеской банды Федька любопытно разглядывал торчащий кол-

тун на животе девочки. – С голоду пухнешь?

#

– Это бабка Маня супом с очистками закармила, – соврала Танюшка.

#

– Брешешь, сиротская, – он приблизился к девочке и в предвкушении достал руки из карманов. – Я видел, как ты из углового дома выходила. Что украла?

#

Танюшка осмотрелась по сторонам. Никого. Бежать не было смысла. Федька на целую голову выше и ноги у него длиннее. По привычке зажмурилась и сжала кулачки.

#

– Отстань от нее, малый, – раздался удар плеткой и знакомый голос.

#

Танюшка посмотрела вслед драпающему Федьке, а затем принялась изучать внешность защитника. Он похож на того, что подарил куклу. И черный крест на одежде. С загнутыми концами. Хотела закричать, но голос не шел. Бежать. Ноги не слушались.

#

– Я свой, – немец протянул руку.

#

– Тук-тук-тук, – раздавалось в Танюшкиной груди.

#

– Тук-тук-тук, – исходило из тряпичной куклы.

* * *

В заброшке зажгли свечу. Немец не отходил от Танюшки.

#

– И глаза у тебя, как у моей Маруси, – фриц разглядывал лицо Танюшки. Желтоватый язычок неровного пламени выхватывал из темноты блестящие зрачки и дрожащий подбородок.

#

– Расстреляли? – девочка облизнула губы. От волнения рот пересох, а руки теребили подол платья берегини.

#

Мужчина кивнул и сжал в кулаки ладони. Затем быстрым шагом подошел к девочке, взял из ее рук куклу и в одном месте распорол ткань по шву.

#

– Смотри, – из мягкого тряпичного тельца он достал нечто металлическое, на цепочке. Это были маленькие серебряные часики. Ажурные. В форме овала.

#

– Сердечко, – воскликнула Танюшка и потянулась за сокровищем. Приложила к уху и восхищенно проговорила:

#

– Тикают.

#

Немец аккуратно нажал пальцем на серединку – крышеч-

ка отвалилась. Внутри половинки показалась маленькая черно-белая фотокарточка.

– Это Маруся.

С такими же, как у Танюшки, белокурыми волосами, прямым носиком и милыми ямочками на щечках. Дочь русского солдата, у которого фашисты отняли дом, семью, имя.

#

– Сохрани их, – мужчина вложил часики в руку девочки и серьезно посмотрел на ребенка. – Ты смелая.

#

Танюшка под села к немцу и тихонечко провела ладошкой по небритой щеке:

#

– У папки тоже так кололось.

#

Ночевать девочка отправилась к бабке Мане. После смерти матери соседка взялась приглядывать за ней. Танюшка шла темным закоулком и никого не боялась. Знала, что у нее есть защитник. И специальное задание.

#

На следующий день свидеться с новым знакомым не удалось. Когда стемнело, девочка видела, как в доме погорельцев маякнул огонек. Другим вечером немец ждал на том же месте.

#

– Кушай, Танюшка, кушай, – мужчина торопливо разво-

рачивал бумажный сверток. – Мармелад.

#

Девочка по чуть-чуть откусывала от засахаренных кругляшков и жмурилась от щекочущего удовольствия.

#

– Завтра, Танюшка, все решится, – немец был весел, много шутил. – Наши на подходе. А война закончится, я тебя к себе возьму.

#

Танюшка обняла залатанную берегиню с сердечком и прошептала:

#

– Ты будешь моим папкой?

#

Мужчина взял девочку на руки, серьезно поглядел ей в глаза и крепко прижал к себе:

#

– Доченька моя.

Татьяна Рамос

@tatyanaamos_

ИСТОРИЯ ПЭЙО

Она медленно вытянула кисть для кольца. Лучи полыхнули змейками по волосам, и...

#

Никто не понял, что произошло.

#

У алтаря темнели только два мужских силуэта. Зал по-мрачнел и загудел. В лиловых узких витражах вспыхивали блики.

#

За месяц до этого.

#

– Да послушай же, глупая! Все твои светлейшие бабули выходили замуж только по любви! Уж я-то знаю, – гребень нервно стискивал ее висок острыми зубьями.

#

Как дамский талисман этого рода, он отговаривал ее от губительной ошибки.

#

– Я видел их счастливые глаза! Никто больше не мог себе позволить такие браки. А они могли. Порода! – круп-

ная, тусклая жемчужина на растресканном гребне заходила в волнении. Зубчики порывисто прижимались к медным прядям.

#

– Ты губишь себя! Веришь, что уедешь и все изменится? Он никогда не позволит. Уж я таких знаю, сухой надменный хлыщ, – скрипел ей в ухо тот, кого она называла Пэйю.¹

Мы думаем, что предметы глухие и немые. Но этот резной трехдюймовый красавец из рога знал о любви все. Она приходила к нему не раз и оставляла с кровоточащим перламутровым сердцем. Умирали любимые цветы и птицы. Покидали сеньоры. Никто не выдерживал испытания временем. И он скорбел по ночам, когда лежал на замшевой подушке рядом с хозяйской кроватью.

#

Однажды он решился. Слетел с головы хозяйки, когда она стояла на балконе. Гибель не случилась, треснул зубец. И только. Госпожа месяц не надевала его, боялась потерять любимца.

#

Именно любимца. Только он мог подсказать своим маркизам, как выбрать жениха. Когда возникла эта связь, не помнил, но в каждом поколении становился любимым другом. Ласково перебирал волосы девушек и нашептывал романтические истории. Одобрял наряды и хихикал над дуэнья-

¹ Пейнета – крупный гребень в Испании XVIII века.

ми. Шесть счастливых браков он гордо благословил с высоты свадебной мантильи.

#

«Реликвия рода» передавалась, чтобы хранить личное счастье хозяек. Чего Пэйо не имел сам – оберегал в судьбах девочек.

#

Но в этот раз нужно спасти эту дурынду, тайную художницу от нелепого брака с главой Академии.

#

– Не примет, вот увидишь. Они не впустят тебя! Не стоит расчет и гнилого чеснока, – зубья обмякли в поисках выхода из катастрофы.

#

Лазейка нашлась. Невеста бежала.

#

– Иди скорее!

– Что с ними?

– Гипноз. Ты долго упиралась. Поспеши, пока они не пришли в себя!

#

Никогда она так ясно не мыслила, как сейчас. Да хоть трижды выйди за художника, в натурный зал не попасть. Для женщин того века широкая дверь в искусство была закрыта. И не только в Мадриде. Но как изучить тело? Мягкие наброски копились в дальнем сундуке. Пальцы путались, прописы-

вая торс в движении. Дух и форма на бумаге с детства интересовали маркизу больше нарядов.

#

Гребень удерживал бунтарскую гриву испанки. Фигуру девушки поглотила ночь.

#

В Венеции беглянка подстриглась и переделалась мужчиной. Перед этим Пэйо долго обнимал зубцами тугую медь ее волос.

#

Вспоминал, сколько раз его гладили любимые пальцы хозяйек. Он зарывался в пружины кудрей и любовался ими в отражениях. Каждое утро его вдевали в прическу. Но сейчас близость разрушалась.

#

От печальных мыслей заныла трещина и на боках потускнел истертый перламутр.

#

Прошел год.

#

«Малоизвестным живописцем» она работала в студии. Иногда приходили модели. Каждая мышца и жилка человеческая впитались в мозг. Она окончила венецианскую школу и теперь фанатично создавала полотна. Казалось, ее кисти опережают мысль.

#

«Соратник» висел на зеркале в батистовом чехле и наблюдал, как меняются образы на резном мольберте. Видел смысл во взгляде каждого портрета. Линии тел потрясали. Будто дышали жизнью.

#

Она вышла замуж за искусство.

#

Тайну пола выдавала лишь крохотная подпись на картинах.

#

Пейо смотрел, как тонкая фигурка погрузилась в свою глубину. На полотно ложились точные мазки.

#

«Что ждет мою девочку? Не ошибся ли я?» – думал гребень в тишине пустого дома.

Полвека назад их приютила Венеция. Он по-стариковски развалился. Внезапно. Трехвековая трещина крякнула и разломила шершавый бок. Теперь остался только жемчуг. Маркиза не расстроилась, наоборот, пообещала, что вставит его в кулон и будет носить.

#

Он вспомнил, что таким его привезли из Калькутты. Одиноким и гордым красавцем подарили прапрабабке его теперешней подруги. С тех пор многое изменилось.

#

Художницы заявляли о себе громче. После успехов пер-

вопроходиц в барокко и ренессансе, двери «мужского мира» приоткрылись. Одна из девушек поступила во Флорентийскую академию. Впервые.

#

Спустя век еще две стали членами-основателями Королевской художественной академии в Лондоне. Француженки выставлялись в салонах. Женщины просыпались и созревали.

#

Хозяйка гребня два года прожила в образе мужчины, чтобы окончить школу искусств. Потом десятилетиями испуленно работала. Брала учениц. Сначала тайно. Но время шло и девочки открыто приходили в студию.

#

Вы знаете, как появляется жемчуг? В раковину попадает пылинка, и моллюск окутывает ее перламутром. Из маленькой «проблемы» рождается красота. Не зря они с госпожой оказались родственными душами.

#

Прошли годы-лоскуты. В запретной жажде творчества родилась серьезная художница.

#

Время проглотило трагедии и суету. Не случившуюся любовь некогда было оплакивать. Все подчинялось делу. Она целилась в луну и попадала в звезды. Ими становились картины. Люди растерянно стояли напротив и... молчали. Это

абсолютное молчание говорило о многом.

#

Но.

#

Ее связь с семьей разорвалась, замужества не вышло. Старость сцепила колючие пальцы. Хранитель знал – род оборвался, помогать больше некому.

#

Чувствует ли она одиночество? Смотрел на прямую узкую спину и узлистые руки в размахе мазков. Седина выдавала возраст. Испанка многое пережила. Но у кого есть «зачем», тот выдержит почти любое «как». Нет?

#

– Мі піпа, ты счастлива?

– Конечно.

#

Он вспомнил, как помог ей бежать со свадьбы. В другой реальности ее бы любили. А может, нет. Желал бы другой девочке такую судьбу – не знал.

#

Но безумно гордился своей сеньоритой.

#

Она стала одной из первых. Чтобы другим было легче.

#

el fin

Екатерина Бастракова

@e.bastrakova

ИСТОРИЯ СТАРОГО МОНОКЛЯ

В комнате становилось оживленно. Выцветшая фарфоровая кукла, футляр и янтарные запонки активно спорили, кто из них лучший хранитель семейных историй. Потертая пуговица задумчиво смотрела в окно.

#

– Да буде вам! – строго сказал Монокль. – Развели демократИю!

#

– ДемокрАтию, – поправил Футляр.

#

– А ты не встревай, – одернул Монокль. – В общем так. По старшинству среди вас всех, хранителем буду я, – важно сказал он.

#

– А при чем тут старшинство, – попыталась возразить Кукла, – важнее, сколько историй знаешь. Вот я...

#

– Знаю поболее вашего! – тоном, не терпящим возражений, пресек ее Монокль. И довольно посмотрел в трюмо.

#

В зеркале отразилась черная оправа, такая обшарпанная, что черный цвет лишь угадывался. Пара мест склеена. А с верхнего правого угла расходились глубокие трещины.

– Столько лет прошло, а ты все такой же задавака! – по-старчески хмыкнул Футляр.

#

Новоиспеченный хранитель отвернулся к окну и погрузился в воспоминания.

Окно распахнулось. Комната наполнилась запахом сырости и затхлых листьев. От притока свежего воздуха огонь в печи весело затрещал. Отблески озорно и одновременно печально заплясали по стеклянным поверхностям.

#

– Давай уже, рассказывай! – обратилась молчаливая Пуговица к Моноклю.

#

И он начал свой рассказ.

С конца XIX века переселенцы устремились в Сибирь. Никто не знал, что там ждет. Но люди свято верили в мечту о новой жизни на своей земле...

#

Благословили в поездку и Константина Сараева. Большая семья собралась в дорогу. Маленькой Вере тогда и трех лет не исполнилось.

#

– Держи на память, – дед, прощаясь с внучкой, вложил

в ее кулачок потертый монокль. – Пусть хоть эта вещица напоминает тебе о нас, – украдкой смахнул слезу и погладил Веру по голове.

#

Сибирь встретила радушно. По приезду выделили огромный надел земли. Распахали плодородную почву. В первый же год семье помогли срубить просторный дом из кедра. И детям воля, и хозяйству рост. Живи, радуйся...

#

Жизнь была бы прекрасной, сложись их переезд именно так.

Но, увы... Местные власти оказались не готовы к переселенцам. Хакасия – не место для крестьян. Вместо обещанной земли – продуваемые степи или болота... Жить приходилось в землянках. Сибирь встретила нищетой, голодом и морозами...

#

Люди преодолели тяготы и лишения в дороге. Но их мало отсутствие питьевой воды, грязь, зловоние, паразиты. Начали умирать.

#

Сараевы решили вернуться. Буквально перед самым отъездом Вера заболела.

#

– Отдайте девочку нам! В дороге она не выживет... – попросила женщина из местных. – Детей у меня не будет, вы-

растим как свою.

#

Вера не понимала, почему плачет мама и печален отец, но в груди холодело от непонятных предчувствий. Телега тронулась. Девочка заплакала, потянула руки к матери. Мать больно прикусила свой кулак, стон собачьим воем вырвался наружу. В момент осиротевшего ребенка унесли в дом.

#

Окуневы были местной зажиточной семьей. С ними у Веры был шанс выжить. В дороге этого шанса не было. Так русская девочка осталась в хакасской семье.

#

Жизнь оказалась нелегкой. Глава семьи умер. Ажа, овдовев, снова вышла замуж. В семье появились свои дети. Новый глава семьи не разрешал русской даже сидеть с ним за одним столом.

#

– Много тягот выпало на долю донской казачки, но не сломило ее дух. И если глаза Веры и затягивало пеленой слез, то лишь когда доставала дедушкин подарок и думала о семье... – Монокль замолчал.

– А откель у тебя трещина-то? – Пуговица задумчиво смотрела на Монокль.

#

– О, эт-то я сейчас расскажу. Была там история, – задумчиво протянул он и продолжил свой рассказ.

* * *

– Ишь как выросла-то, – отчим стоял в дверях сарая, загораживая выход.

#

Он начал медленно приближаться к Вере. Русская кровь падчерицы не мешала похотливо пожирать глазами молодое тело.

#

Вера отпрянула в сторону и крепко сжала кулаки. В одной оказался монокль. Когда отчим подошел ближе, девушка попыталась оттолкнуть его, дедушкин подарок больно саданул негодяя по лицу.

#

– Ох, и спеси в тебе! Ишь, чё удумала, длань на меня поднимать! Мало тебя порол! – отчим поймал ее руку. С силой вырвал монокль и отбросил в сторону. Через секунду схватил огромной лапой за шею и сжал пальцы.

#

Вера не могла закричать. Глухие хрипы вырывались наружу. В бездну темноты уносился лишь молчаливый крик о помощи.

#

– Оставь приёмку! – в проеме сарая появилась Ажа. Наперекор устоям и обычаям женщина встала на защиту сироты.
– Уйди, женщина! Поди прочь! – не поворачиваясь и не отпуская горла девушки гаркнул глава семьи.

#

– Там на съезд кличут. Давеча приходили. Иди, – Ажа кивнула в сторону улицы. Вдали послышался гомон. Люди что-то бурно обсуждали.

#

Отчим резко убрал руку. Стремительно пошел к двери. На пороге остановился, не оборачиваясь, сказал:

#

– Замуж за батрака Борьку отдам! – и вышел прочь. Ажа последовала за ним.

#

Вера упала на колени и начала быстро шарить одной рукой по соломе. Другой утирала душившие ее слезы. Нащупала цепочку и притянула монокль к себе. С правого верхнего угла по всему стеклу наметилась паутина глубокой трещины.

#

Поднесла подарок к губам, поцеловала и прижала к груди. Забилась в угол и безмолвно разрыдалась. Трещины наполнились болью и горечью.

#

В такие отчаянные минуты ей хотелось, чтобы родители забрали ее с собой.

#

– Мамины руки... Защитили бы и спасли...

#

Всю жизнь она ждала, что родители вернуться за ней с бе-

регов Дона. Иногда даже казалось, что слышит бравый голос деда. Чувствует тот запах лошадиного пота и дедовой трубки. Но увы... Ожидания так и остались мечтой.

Наталья Жеглова

@natali_zheglova

ПОКИНУТЫЙ ДОМ

Покинутый сельский дом хранит семейные истории.

Скошенные постройки бережно склонились друг к другу.

Потухшие ставни грустно следят за людьми.

#

Преданные подружки Рябинка и две Ельки шуршат ветвями в ответ на добрые беседы хранителя. Обнимают пожилыми кистями и возрастными иголками.

#

– Мы ишо поживем, подлатаемся. Вон как хозяйка терзалася, но настроем боевая была. Так чего ж и нам осаживаться?! – утрами лопочет дом.

#

С наступлением темноты все спокойнее, а потом... тишина.

#

Скрипучая тишина.

#

Укрывает дремота. А по стенам текут теплые воспоминания. В них комнаты наполнены людьми. Уютными беседами.

#

Слышно побрякивание чугунков о русскую печь. Детский плач и смех доносится из комнат, теплое – ням-ням, бабуля, спасибо. Нужная крыша надежно стоит на посту. Впитанные человеческие судьбы – с рождения до преклонных лет.

#

Первые шаги. Первые слова. Детский сад. Школа. Свадьба. Армия. Встречи. Проводы.

#

Сырые после увиденного стены утром смакуют сны.

#

Но вот у ворот появился человек. Постройки всколыхнулись. Деревья приосанились.

#

Раздались гудки, девушка сглотнула комок слез:

– Алло, добрый день! Дом еще продаете?

#

– Боже сколько лет не приближалась к родным воротам, – прошептала гостя.

Поднялись чувства. Спрятанные и забытые. Слезы хлынули. С детства не тосковала по ней так, как сейчас.

#

Частицы историй, рассказанные о бабушке родными, понесли картинками диафильма.

#

1968 г.

– Гляди-ка, Тамарка опять с собой троих тащит, вот чу-

дача, – ехидно шепнула соседка.

– Своих четверых чтоль не хватат, – поддакнула другая.

#

По сельской темной улице брела крепкая женщина. Одна рука сжимала авоську. Другая – трехлеток.

#

– Здрасте, Тамара Алексана, со смены опять с компанией? – полюбопытствовали женщины.

#

– Да задержались на дойке мамки ихние, к утру снова на смену, пускай ночуют, – ответила смеясь.

#

До дому шагали молча. Знала – муж не обрадуется. Соседи косятся: мол, добродетельница.

#

– Томка, чего ты таскаешься с имя. Свои не видят. Уходишь засветло, приходишь в сумерках. Не воспитатель ты – няня. Заканчивай с этим, сколько можно. В избе присесть негде.

Дети молча доедали щи. Тамара окинула глазами своих, перевела взгляд на садовских.

#

– Вась, ну не бросать же их. Мамки на службе, отцы кто в поле, кто квасит. Ночь переспят, завтра ушагам.

#

Работа няни нелегкая. С пяти утра на ногах. Воды – на-

таскать. Печь – растопить. Ребят – встретить. Чувствовала любовь к малышне.

#

Муж давно уговаривал в колхоз перейти. Свежего воздуха больше, оплата выше.

#

– Васька, ну погоди, доведу до школы группу и отчислюся.

– Так уж седьмой год обещаешь, – отвернулся с обидой.

#

Тамара хоть и сильная характером, но бороться за мир в доме устала. Как не жаль прощаться – уволилась.

#

Пошла в колхоз. Работа не легче. Коров – подоить. Телят – обходить. Травы по норме – заготовить.хлопотно.

#

С непривычки замешкалась на сенокосе. Смеркалось. Донесся шорох от темных деревьев. Глаза светлячками блеснули в траве. Как смекнула – не знает.

Уцепилась в дерево с силой. Вскарабкалась до вершины березы. Осмотрелась – пять псовых фигур поджимают белоствольную.

#

– Ауууууу, – довел до дрожи волчий вой.

– Ауууууу, – подхватила стая.

#

– Ну уж нет, легко не возьмете – подумала Тамара, по-

крепче ухватилась за ствол. Так и просидела до утра. Пока не нашли мужики. Хорошо, жилистая была. Да трудом закалена. Серые хищники от шума удрали. Слезла – ноги, руки – затекшие. Уж с жизнью прощалась.

#

– Прости меня, Тома, может, в сад вернешься? – после происшествий вымолвил муж.

#

Улыбнулась. Задумалась. И вернулась. Служила до пенсии. Наградили медалью – «ветеран труда».

#

1986 г.

– Вась, рубаху надевай. Надо ж, у тебя именины и свадьба у родни, – дивилась Тамара.

#

Кричали «горько» молодым! Людей выше сотни. Тесная изба.

#

– Васька, поздравляю! Пей рюмаху, капусткой закусывай! – подошел хмельной разгоряченный друг.

#

– Качай именинника! Ох, раскраснелся! – кипела толпа, резвилась.

#

Злосчастный листок. Закрыв кислород. Жизнь Васи закончилась. Русые волосы Тамары окончательно побелели.

1993 г.

Пенсия. Хозяйство. Внуки народились. Нянчить помогает.

#

Тамара со снохой отправились во двор. Трехлетняя девочка в свитере с капюшоном была спокойным ребенком. Увлекалась надолго. Потому оставлять одну – не страшно.

#

Вдруг бабуля во дворе заволновалась. Нутро подсказывало часто. Истошный плач долетел из комнаты.

#

Потянулась девчонка за игрушкой. Зацепилась вязанной кофтой за ручку у топки. Жгло маленькое тело. Печка как могла, жар снижала. Пыхтела.

#

– Ой-ей, пришпарилась. Вскрикнула. Спасла. Молча прижала к себе. Испуг не показала.

#

1997 г.

Похудела Тамара. Осунулась. Чаще лежала. Дети ходили угрюмые.

#

– Ванька, знаю, шо болею, че прячитесь. Недолго осталась. Врачихи общались – смекнула.

#

Кивнул старший. Онемел.

#

– Семейю собрать надобно, проститься. Распишу, кому како добро забрать. Старшей внучке ковер, младшей – медаль трудовую. Вы уж дом продадите, всем поровну... – прерывался голос. Не дрожал.

#

Белёная комната. Пасмурно.

Железная кровать держала немощное тело. Тома, побежденная болезнью. Но в нарядном платке.

#

Четырнадцать потомков с малышами на руках – выстроились шеренгой.

#

Усталые веки скрывали слезы гордости и сжигающей тоски. 72 года жизни. Все в них. Сыны, дочери, внучки, внуки. Ладные, собранные. Пробежала жизнь. Кажется, не зря.

#

Отвернулась с трудом. Молча плакала. Не хотела жалости. Слов не нашла. Только стих написала по-своему, да оставила под подушкой:

#

#

Неделя – в дымке отчаяния, осознания и глупых попыток помочь – ушла.

#

Все затихли. Печь не трещала. Деревянные стены – ока-

менели. Рябинка горестно повесила голову. Елька ветками проводила кортеж до самого леса.

#

Раздались гудки, девушка сглотнула комок слез:

– Алло, добрый день! Дом еще продаете?

#

Скрипучие ворота тихонько распахнули объятия.

– Говорил вам, ишо поживем, подлатаемся! – шепнул Рябинке счастливый дом.

Закопайте мать-старушку

И возьмите мой бокал,

И налейте русской водки

И запейте всю печаль.

#

Текли года, летели дни,

И жизнь была, возможно, всякой.

Бывало так, что иногда

Хотелось очень, очень плакать.

Ксения Ганжа

@ksanaganzha

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Представьте себе обычный панельный дом. 9 этажей, серый фасад. За дверью подъезда томятся тяжелые запахи сигарет и канализации. Сурово грохочет лифт. Спит навеки голодный центральный мусоропровод. Ничего, что может привлечь внимание даже самого бдительного сыщика.

#

Но если вы подниметесь на пятый этаж, то обнаружите возмутительно-оранжевую металлическую дверь. Она, как крышка шкатулки, прячет за собой мое самое доброе воспоминание. Квартиру под номером 88.

#

Когда бабушки и дедушки не стало, пристанище их жизни было нещадно выпотрошено многочисленными родственниками, которых всегда оказывается гораздо больше, чем вы себе представляли, если речь заходит о наследстве.

#

Именно поэтому я так переживала, стоя на пороге полутемного коридора. Перед глазами раскинулась безжизненная гостиная. Бумажки на полу. Чужие следы. Одинокая ножка от табуретки. Ни стола. Ни стульев. Ни даже дурацкого ковра

на полу. Шкаф с распахнутыми дверцами словно приглашал обняться и поплакать на руинах бывшего счастья.

#

Слева молчаливо ждала спальня, где я не надеялась найти ничего ценного. Но оказалось, что у меня с родственниками разные представления о настоящих сокровищах. И если телевизор бесследно исчез, то бабушкины стеклянные броши, бусы из янтаря и пять маленьких слонов, вырезанных из кости, остались на своем месте.

#

На балконе обнаружился набор дедушкиных отверток, в зале – диапроектор «Этюд-2С» со слайдами в коробках из-под советских квадратных вафель. Пухлые альбомы с фотографиями. В кладовке лежал старый бинокль.

#

Вещи собраны в коробку. Квартиру продавали, и я знала, что это наша последняя встреча. Кажется, она мучительна для нас обеих. В каждой комнате хранилась частичка прошлого, каждый закуток готов был рассказать какую-то историю.

#

Уже в дверях, я вдруг услышала, как скрипнула балконная дверь. На старой люстре зазвенели хрустальные подвески. Ветер или приглашение остаться?

#

Я села у стены в коридоре и закрыла глаза. Мне хотелось

в последний раз вспомнить, как все это было. В последний раз услышать, что расскажут эти стены.

#

Тишина убаюкивает. Слышно только как часы на кухне тихо отбивают ритм, созвучный ритму в моей груди. И шепот.

Он становится более ясным. Отчетливым. Я узнаю его.

* * *

– Стреляй в бабушку, – шепнул мне на ухо отец.

#

Я чуть не задохнулась. Идея выглядела фантастически прекрасной и пугающей одновременно.

#

– А разве так можно? – свистящим от волнения шепотом выдохнула я.

#

– Можно. Только хорошо прицелься.

#

Я воровато оглянулась на маму. Такая красивая. Красное платье, белый пояс и широченные плечи. Они внушали страх.

#

Я, конечно, мечтала о таких же. С такими плечами можно поколотить всех мальчишек в садике, а потом меня бы взяли работать моделью.

#

Но дедушка сказал, что с ними, того и гляди, может ветром унести в другую страну. Такие перспективы пугали, и мечту пришлось пока отложить. Мальчишки того не стоили.

#

Мама и плечи смотрели телевизор.

#

Слева у стола суетилась бабушка. Спиной ко мне.

#

Хотя внутренний голос подсказывал, что хорошие дети так с бабушками не поступают, но уж папа ей точно зла не желал. Он всегда говорил, что теща – его любимый член семьи.

#

Поэтому я уверенно подняла руки, покрепче зажмурила левый глаз и... Хлопок!

#

В воздухе заплясали цветные искры. Затем завывли сирены. А потом я поняла, что завывли вовсе не сирены, а мама с бабушкой.

#

Хлопушка выпала из рук, а я срочно удрала под стол. В голове крутилась одна мысль. Кажется, я убила бабушку.

#

Когда суматоха улеглась, и меня вытащили из укрытия, началось следствие. В комнате остались двое обвиняемых.

Маленькая девочка в костюме Снегурочки и маленький мальчик в костюме Папы. Судьей объявили дедушку, а мама и бабушка удалились в спальню для снятия телесных повреждений.

#

Я стояла, закрыв глаза. Вернется мама, и нам с папой вынесут приговор.

#

Наконец, она вошла:

#

– У мамы синяк.

#

– Где? – голос дедушки.

#

– Ну... – нерешительная пауза, – на попе.

#

Вдруг зазвучал смех. Дедушка смеялся все сильнее. К нему присоединились папа и мама. В спальне смеялась бабушка.

#

Хохот стоял такой, что звенели хрустальные бокалы на столе. Дребезжали стекла серванта. Звенели подвески на люстре. Вся квартира резонировала от смеха.

#

Я резко открыла глаза.

Передо мной все еще была пустая серая гостиная.

#

И только подвески на люстре тихонько плакали.

#

Дзинь. Дзинь.

#

Я глубоко вдохнула, чтобы справиться с наваждением.

Снова прислушалась.

#

Часы на кухне продолжали выводить сердечный ритм. Их мерный гипнотический стук погружал все глубже. К следующему воспоминанию.

#

Прячусь у бабушки на кухне.

#

Кружка в мелкую трещинку. Холодный чай. Старые часы словно подволакивают ногу.

#

Шарк-шарк. Шарк-шарк.

#

Мне 27. И я прячусь у бабушки на кухне, потому что дома бушует скандал. Я развожусь.

#

В коридоре бабушка разговаривает с мамой по телефону, и даже отсюда слышно ее возмущение, которое рвется из трубки. Можно легко представить, что она говорит:

– Так нельзя! В нашей семье никто не разводился! А о ре-

бенке она подумала?

#

Папин голос чуть тише, но тоже прекрасно различим:

– Кому она будет нужна? Что скажут люди?

#

– Что-что? Что-что? – тихо спрашивают часы.

#

Кажется, что у нас с кружкой на столе много общего. Я тоже изнутри покрыта мелкими трещинками. Меня тоже наполняет что-то холодное.

#

Бабушка с дедушкой молча зашли на кухню. Он сел рядом. Она отвернулась к раковине. Часы затаили дыхание.

#

– Знаешь, что я тебе скажу, Ксюша? – бабушкин голос решительный. Твердый.

#

– Что-что? Что-что? – снова раздалось над ухом.

#

Она обернулась и сурово посмотрела мне в глаза:

#

– А я бы с ним тоже развелась. И матери твоей сказала, что нечего тут ерундой заниматься. Подумаешь, экая беда. Ну, чего ревешь? Лучше бы пирог достала из холодильника. Лёва, налей горячий чай. Этот совсем простыл.

#

Дедушка улыбнулся и похлопал меня по плечу.

#

Внутри затягивались трещинки. Внутри разливалось тепло.

#

Я долго плакала, прежде чем нашла в себе силы встать. Забрала коробку. На секунду остановилась в дверях. Квартира смотрела вслед.

#

На кухне часы ободряюще шептали:

– Тише-тише. Тише-тише.

#

Я вышла.#

Злата Москвина

@zlatafotoart

ЯНТАРНАЯ СКАЗКА

Манечка была у Ивана любимой дочкой. Очень уж напоминала жену-покойницу. Те же зеленые глаза, точь-в-точь спелый крыжовник, и кудрявые волосы цвета меда. Уже пять лет минуло, а особинка становилась все ярче.

#

Нет во всем селе подобной девчонки. Все кругом беленькие да черненькие. Она одна рыжая. За это и доставалось ей. Дразнили ребята, рыжей курицей звали. Приносила домой синяки да ссадины. Размазывала соль слез по мордашке и бурчала: «Вот вырасту и задам им!».

#

Раз собрался Иван на дальнее поле и решил оставить дочку на бабуку – мала еще. Не тут-то было. Повисла она у него на рукаве:

– Тятя, миленький, возьми меня с собой. Я тебе помогать буду. Вместе веселее.

– Да куда тебе, мала еще, – ответил он.

– Мне страсть как хочется на журавлей посмотреть, говорят, живут они там, – сказала Манечка и так посмотрела на отца, что тот не смог отказать. Уж больно взгляд жену его

напомнил.

Перехватило у него в горле. Бросил он тихо:

– Хорошо, собирайся.

#

Дочка взвизгнула от радости и бросилась к нему на шею.

#

Встали раньше петухов. Старая ушла корову доить, а маленька тут сидит, волнуется: как бы не передумал тятя. Вот и вскочила пораньше, чтобы не проспять. Иван проснулся, плеснул в лицо воды из кадки и вышел во двор. Зеленые глаза следили за ним из окошка. Он скоро проверил телегу, потрепал кобылу за холку и запряг.

#

В это время мать быстро собрала на стол. Помолившись на темные образа в углу, сосредоточенно поели: хлеб, молоко, каша. Маше ничего не лезло в горло. Все встали и начали прощаться.

#

– Бусы-янтарики оставь-ко дома, – неожиданно сказал тятя, но кудрявая головка решительно покачала отрицательно, а ручка крепко держала мамину памятку. Так и пошли на двор. Старуха их перекрестила и они тронулись.

Пока ехали по селу, встречные мужики степенно останавливались:

– Доброй дороги тебе, Иваныч, да Божьей помощи.

Ну а некоторые детишки даже бежали вслед. Манечка

важно восседала на телеге и крыжовенные ее глаза искрились от удовольствия.

#

За околицей начались бескрайние поля, лен, гречиха, пшеница, подсолнух. Потом пошли яблоневые сады. Потом родные места закончились, девочку сморило, и она заснула.

#

Приснилось ей, что сидит она на лавке в янтарной избе. Стала Маша оглядываться. Оказалось, что и лавка-то янтарная, и прялка тоже янтарная. А пряжа очень похожа на ее рыжие кудрявые волосы. Вот диво!

#

В янтарной печи потрескивал огонь, и видно было, как дым уходил в трубу. Судя по запаху, в горшке варилась гречневая каша, а Манечка была большая любительница до нее!

#

Сквозь прозрачные янтарные окна просвечивало солнце и играло бликами на полу. А пол-то был непростой, на нем из разноцветных камушков цветочки сложены. И вот эти зайчики прыгают с одного на другой цветик и играют в салки, не замечая девочки! Как она их сразу не заметила!

#

– Амка, чур я первый до печки! – кричал коренастый рыжий зайка.

#

– Ты, Берка, обалдел! Моя очередь, рыжая курица! – в от-

вет завопил тоненьким голоском худенький заяц с одним сломанным ушком.

#

– Амка-лямка – вышла ямка! – начал дразниться крепыш.

#

– Берка-мерка-табакерка! – залился смехом другой и провалился на пол, дрыгая ножками.

#

Рыжая гостья сжалась, тоже ожидая насмешек и тумачков и слезы были где-то близко.

Тут вдруг в комнату вошла статная зеленоглазая женщина. На голове ее была вышитая золотом шапочка, с которой спускался бархатный платок, на груди тоже затканый золотом. И на юбке, и на рукавах был прихотливый узор из мелких янтарных бусин. Золотой же позумент шел от застежки вниз и по подолу. Крупные янтарные пуговицы светились как маленькие солнышки.

#

Она внимательно всех оглядела и посмотрела на Манечку.

#

Зайцы тут же замолчали и встали с виноватыми, но шкодливыми мордочками. Девочка в страхе невольно тоже поднялась с лавки. Губы ее тряслись.

#

– Рада тебе, моя девонька! Сейчас поедем и покалякаем, – женщина выразительно взглянула на сорванцов и те засуети-

лись, накрывая на стол. У Маши отлегло от сердца, но все равно ей было страшновато.

#

Зайцы засуетились и на столе появилась льняная скатёрка с вышитыми петухами, горшок каши и янтарная посуда. Хозяйка положила кашу в миску и спросила девочку:

– Тебе какую ложку: янтарную или деревянную?

Гостья засмузилась и прошептала:

– Янтарную.

Хозяйка довольно улыбнулась.

#

Каша была необыкновенно вкусна. Каждое зернышко, пропитанное маслом луговых трав, давало ей внутреннее успокоение, силы и радость. Кажется, такие же чувства вызывало в ней молоко матери. Наверное, она немножко заснула, потому что не сразу услышала слова женщины.

#

– А теперь ушастые тебя сопровождают. Не снимай эти бусы, деточка, береги их – и будешь счастлива, – слезинка спряталась в рыжей кудрявой прядке, которая выбилась из-под шапочки. – Подарок той, что родила и кормила тебя грудью, всегда несет волшебную силу. Будут у тебя вопросы, прокрути самую большую бусинку, и придет тебе ответ. Будешь в печали, погладишь их, они и успокоят. Родится и вырастет у тебя дочка, подаришь ей, – тепло продолжила она, потрепав Манечку по рыжим волосам.

#

Женщина перебирала янтарные бусины на шее у девочки и они вспыхивали яркими огоньками воспоминаний. Прозрачные медовые шайбы были обточены дедушкой Маши. А собрала из них бусы ее маменька. По телу от бус разливалось приятное тепло.

#

Бусы осознали свою значимость и немножко загордились. Они всегда поддерживали Манечку, но не знали свою силу. Хорошо, что они это услышали. «Хозяюшка, ты в надежных руках! Мы все сможем, все сделаем, – как будто говорили они.

#

– Ты у меня такая красавица! Я тобой горжусь, солнышко! Не обращай внимания на дразнилки, и ребята перестанут. Хорошо, дитяtko? – сказала янтарная женщина.

#

– Да, – прошептала Манечка и крепко обняла женщину, уткнувшись лицом в ее сарафан. – А как тебя зовут? – спросила она и неожиданно проснулась.

#

Высоко в небе горели звезды. Мерный цокот копыт, да голос отца:

– Ну слава богу! Приехали! Слезай, дочурка! Пойдем в избу спать.

Елена Мазыватова

@helenamaze

МАЛЕНЬКИЙ ХРАНИТЕЛЬ

Визг. Мама вбежала в комнату. Мерзкая кукла-чревощатель смеялась. Ее улыбка-пасть, словно щелкунчик, отбивала непонятные слова. Стемнело. Из закоулков показались корявые руки. Мурашки током пробежали по телу. Гадкий смех куклы отдавался от стен. Подступила тошнота. Молодая женщина заставила себя посмотреть на сына.

#

Светловолосый мальчик лежал на диване и корчился. Корчился от хохота, который явно надрывал живот.

– И зачем ты это смотришь? – медленно присев на корточки, спросила мама.

– Ну, та-ак смешно же! Тут хэллоуинские костюмы жили!

– Но кукла такая страшная, – поморщилась та, которой никогда не нравились ужастики. А особую дрожь вызывали игрушки и клоуны.

– Да нет! Она просто оживает и пугает людей. Смешно же. Она не настоящая! Но ты не бойся, мама. Мы, если украшения вдруг оживут, полицию вызовем.

Женщина смотрела на своего веселого семилетку. Прядь

на макушке торчала, как забытый куст на идеальных американских газонах, цветная футболка с вечными брызгами зубной пасты и мягкая игрушка в руках, казалось, улыбались вместе с ним. Ребенок, родившийся в далеком северном городе где-то на задворках России, отметил школьный возраст в городе ветров и гангстеров. И это смешение культур явно добавляло неразберихи в еще неокрепший ум мальчугана.

#

– Ма-ам! Посиди со мной, мне страшно.

– Ну вот, все-таки страшный был фильм, – покачала головой мама.

– Да нет же! Он смешной, – нахмурил нос мальчик.

– А отчего тогда в одеяло с головой завернулся?

– Мам... Я боюсь... как бы это сказать... А вдруг к нам грабитель с пистолетом залезет? А полиция не успеет. Мам, знаешь, я боюсь этой... ну, мы тогда говорили... смерти.

Мама замешкалась.

– Мой дом – моя крепость! Спи с Богом, родной, – она крепко прижала сына к себе и больше не нашла слов.

#

Ночь тихо окутала спящих. Но ощущения страшного бедрили большие фантазии еще маленького человека и заставляли проснуться.

#

– Эээх! – застонал мальчишка в попытках ухватить убегающий сон за хвост. – Может, мне снился Бог? – он сильно

нахмурил брови.

– Бог, Бог... Да кто же ты такой? – сердитый взгляд неожиданно зацепился за рисунок Железного Человека.

– Может, он как супергерой – всемогущий? Вжих! Вжих! Бах! Бах! И всех победил. И даже преступника с пистолетом...

Но обтягивающий мышцы красный костюм совсем не смотрелся на старичке. Отчего-то казалось, что Бог старый-престарый, если все знает. Так мама говорила.

– А может, он как Санта-Клаус – исполняет желания детей и его никто не видел? – в голове возник образ веселого дедушки с висящим пузом. Он рассекал небесные просторы на оленях и втихаря пил молоко с печеньками. «Хо! Хо! Хо!» – пронеслось эхом.

– Че-то как-то не-серь-ез-но! – эту фразу ребенок когда-то от родителей услышал, и она показалась ему очень внушительной.

– А еще, говорят, Бог живет в церкви, – мальчик напрягся, вспоминая священника, который мазал маслом лбы прихожан. Сорванец тогда не понял задумку служителя храма и просто убежал. О чем несколько не сожалеет.

– Наверное, Бог с такой же длинной бородой и в черном платье. Хотя нет, еще длиннее, – воображение добавило веса к волосистой части лица и тучку к целому образу. – С неба виднее, – подумалось мальчику.

#

Добрый вид незнакомого дедушки предстал перед глазами. Захотелось, чтобы он забрал с собой все детские страхи.

#

– На ночь мама всегда говорит мне: спи с Богом. И ее бабушка тоже так говорила. Значит, поможет? – мальчик глубоко вдохнул. – Дорогой Бог! Сделай так, чтобы я не умер, – и добавил: – пожалуйста, – он помнил, что нужно быть вежливым.

#

Семилетка зажмурился и прислушался к ощущениям внутри. Вот-вот – и мучительный страх исчезнет. Подождал минуту, другую. Жмуриться стало больно. Открыл глаза. И ничего не почувствовал.

– Эх! Думаю, надо еще подождать, – пробормотал ребенок, прячась глубже под одеяло. И заснул самым сладким сном, который случается только перед рассветом.

#

На исходе ночь тихо окутала спящих и дала свободу отголоскам памяти.

Крашенные холодные стены смотрят на Витю. Здесь пахнет спиртом, кварцем и иногда вареным столовским луком. Здесь женщины с круглыми (и не очень) животами сменяют друг друга. А врачи говорят свои странные шуточки.

#

Это Вова – друг Вити. Ему 7 дней. Мама о нем еще не знает. Ей колют какие-то лекарства. Вове это не нравится. Но он

сильный. Справится.

#

Это Маша. Тоже дружит с Витей. Хотя характер у нее, конечно, скверный, неразговорчивый. Отворачивается от всех и молчит. Даже маме не отвечает. Наверное, она скоро уйдет.

#

Это Егор. Веселый мальчишка, весь в маму. Правда, она думает, что Егор – девочка. Даже розовый конверт прикупила. Витя громко хохочет. Егор сердится и колотит маму в бок. Не знает, как еще намекнуть об ошибке. Но любит ее сильно. Торопит встречу.

#

Новенького подселили. Витя не успел познакомиться. Малыш ушел. Его мама продолжает болтать тяжелым голосом по телефону. Но все не о том. А папа грузно сидит посередине палаты. То ли грустит, то ли думает, но жутко мешает.

#

Есть и ленивый друг Паша. Витя все время ему повторяет: – Давай двигайся! А то положат тебя в стеклянный ящик с прищепками.

Тот в ответ лишь машет рукой, поворачивается набок и спит. Так и вышло. Мама его приходила. Говорит, в терапии.

#

Витя не любит эти холодные стены, где время застревает между прошлым и будущим. Где волнуется мама. Где устав-

шие взгляды друзей. Они приходят счастливыми, согретыми безусловной любовью, и уходят. Уходят тоже счастливыми. Одни – домой. Другие – в одиночку в вечность. И никто в этом не виноват.

#

Витя дорожит моментом между жизнью и жизнью, когда дети знают все. Так маленькие друзья делятся историями. Историями о том, куда направляются, сколько времени отведено и ждет ли их новая встреча. А вечерами после долгих рассказов каждый убаюкивает самую родную, давшую возможность Быть.

#

– Мам, ты здесь?

Краешка окна коснулось застенчивое солнце. Мальчик потянулся и нехотя открыл глаза. Чувство чего-то теплого и давно забытого разливалось в груди. Все ночные страхи уже не казались такими трагичными. Изнутри согревало ощущение Бога. Бога, которого он получил, как подарок и эстафету. От прародителей.

Юлия Кочергина

@ juliakoshergina

ИСТОРИЯ СТАРОГО БЛОКНОТА

В доме родителей было пусто, сиротливо и неудобно. Немногочисленные родственники и знакомые разошлись с поминок быстро и сдержанно. Оставили недопитые рюмки и свои соболезнования.

Я была им за это благодарна. Папа, небритый и подавленный, убирал со стола. Мы старались не смотреть друг другу в лицо, чтобы снова не расплакаться. Мама «ушла» так не вовремя. Хотя разве смерть когда-то приходит вовремя? Никогда!

Я поднялась в мамину комнату. Тут стоял ее рабочий стол. Все было аккуратно убрано. Как будто она не хотела и после смерти причинять нам неудобства. Я разглядывала ее вещи.

Внимание привлек старый блокнот в дерматиновой обложке. Я вспомнила, что в него мама записывала кулинарные рецепты. Она отлично готовила.

Блокнот распух от вложенных листочков, потому что все страницы были исписаны и не хватало места для новых.

Я притянула его к себе. Открыла наугад. Страницы были засалены. Местами проступали жирные пятна и виднелись следы муки. На меня пахло ароматом домашней стряпни.

Блокнот всегда был «боевым» другом мамы.

Он переезжал вместе с нами и повидал много разных кухонь.

На кухне он соседствовал с поваренными книгами, которые дарили маме разные люди, зная ее увлечение готовкой. Книги оставались новенькими и нетронутыми, блокнот же «толстел» и ветшал все больше и больше. Такова участь популярности!

Папа пару раз посягал на то, чтобы его выбросить или хотя бы заменить на новый. Мама всякий раз спасала свой раритет, когда блокнот уже готов был отправиться в мусорное ведро.

Поэтому он перекочевал из кухни в мамину комнату. Тут он чувствовал себя в относительной безопасности.

Я бережно переворачивала листочки с записями. Узнавала любимые блюда нашей семьи и связанные с ними праздники.

Блокнот послушно отдавал приятные воспоминания и гордился тем, что сумел вызвать улыбку на моем лице.

Тоска и печаль на миг отступили и уступили место тёплым памятованиям.

Мне на руки выпал листочек, на котором круглым маминим почерком было написано: «Грушевый пирог». Рецепт был старый, из начала 80-х. Тогда мы жили в Иране. Мне было 5 лет.

Папа работал в посольстве руководителем отдела

по внешним связям. А мы с мамой были на хозяйстве. Посольские жены хвастались друг перед другом, у кого стряпня вкуснее да поизысканней. Именно тогда блокнот мамы пополнился этим рецептом.

Вот только испечь грушевый пирог было нереально. В Иране груш не было.

Но на мое шестилетие гостей встречал поджаристый, припудренный ванилью и кокосовой стружкой настоящий грушевый пирог!

– Но как тебе это удалось? – вопрошали удивленные женщины.

Мама только лукаво улыбалась и разводила руками.

Спустя годы родители проговорились, что груши нам прислали тогда контрабандой прямо из Москвы. Спасибо папиным связям и дипломатической почте.

А мама прослыла среди посольских жен законодателем вкуса.

За грушевым пирогом была страница с рецептом украинского борща.

С ним была связана одна забавная история. Мама записала этот рецепт со слов дедушки, который служил в Харькове.

Он варил его по всем правилам со старым салом и «квасолей». Варил в скороварке. Чтобы поскорее.

Однажды старая скороварка не выдержала и взорвалась. Весь борщ оказался на потолке и стенах. Мы потом долго отмывали кухню, слушая дедушкино ворчание со стремян-

ки. Мама после этого решила варить борщи только в простой кастрюле.

Веселые воспоминания погрузили меня в счастливое детство, и не сразу угадала, что дверь за моей спиной еле слышно открылась.

Я обернулась. Папа с полотенцем через плечо стоял в дверях.

– Можно? – шепотом произнес он, как будто боялся кого-то потревожить.

– Да! – коротко ответила я. Захлопнула толстый блокнот и повернулась к отцу.

Он прошел в комнату. Сел в кресло. Нависла тягостная тишина.

– Папа! – спасая положение, промолвила я. – Что случилось с мамой?

– Она умерла, – ответил он.

– Да нет! – рассердилась я. – Это и так известно. Что с ней случилось?

Отец и мать жили одни. Мы с братом давно переехали в столицу. Обзавелись собственными семьями и с родителями общались только по телефону.

Все оборвалось в один миг, когда позвонил папа и чужим, сдавленным голосом сообщил, что мамы больше нет.

Все подробности при встрече.

Мы с братом примчались так быстро, как могли. Кутерьма с размещением родных и похоронами не дали возможности

поговорить с отцом.

И вот только сейчас, когда все утихло, состоялся этот нелегкий разговор.

Я выжидающе смотрела на отца. Внутри поднимались раздражение и гнев от пугающей неизвестности.

Он выдохнул и произнес:

– Опухоль. Опухоль височной доли. Слишком поздно обнаружили и не дали надежды.

У меня в голове вихрем пробежало немое кино. Вот мама, выдумщица и хохотушка. Вот наш дом, уютный и родной. Вот врачи, приговор, и как точка в истории – смерть.

Мне вдруг отчаянно стало жалко отца. Я вдруг поняла, как трудно ему было в последнее время, а он молодец, держался. Эгоистичный гнев и глупое раздражение улетучились. Душу затопила любовь и сожаление.

Я тихо подошла к папе. Села у ног. Обняла худые колени и чуть слышно выдавила из себя:

– Прости!

Мне всегда было так трудно извиняться!

Ася Бриз

@asya_breez

ТАЙНА БУМАЖНОГО САМОЛЕТИКА

Декабрь. День, прозрачный, как стеклышко, но холодный и короткий.

Как рукопись Ланы. Она вообще-то Лена, но так ее зовут только мамины подруги. Wordовский лист будто вобрал в себя холод улицы и выдавал мерзлые строки.

#

«... нет ничего более черного, чем белый цвет. Мы привыкли, что пустота и неизвестность темные. Почему? В белых лепестках цветов нет пигментов и они только отражают солнечный свет. Они пустые...»

#

Курсив мигал, отсвечивая всполохом горы в глазах застывшей девушки.

Лана чувствовала себя альпинистом, взобравшимся на середину склона. Он уже не чувствует пальцев, но все еще смотрит вверх – туда, где вершину съели туман и пурга. Дома ждет горячий чай и близкие, а впереди холод и обледеневшие скалы. Но повернуть вспять нельзя. Почему? Альпинисты так не делают.

#

Девушка вздрогнула, ощутив, как от рукописи «Горы» веет холодом.

#

Она сидит у компьютера, а ее молодость уже покупает билет на самый скорый поезд.

#

Легкая французская музыка смешивалась с ароматом кофе. Потоки морозного воздуха проникали в кафе вместе с посетителями и подчеркивали прелесть аромата. Запах окутывал людей, вызывая улыбки и желание сфотографировать круассан с чашечкой.

#

У Ланы по венам текла крепкая арабика. Романтичный флер крался на цыпочках вдалеке. Вместо щебечущих подружек Лана видела утонувших в гаджетах людей.

#

«Мы поколение, расщепленное между реальностью и кроличьей норой интернета», – на листе появилась ни к чему не привязанная фраза.

#

В этот момент пространство пронзил бумажный самолетик.

Он приземлился аккуратно между капучино и надкушенным круассаном и, кажется, порвал реальность.

#

Девушка удивленно оглянулась.

Бариста наливал кофе, а молодой человек в черной рубашке аккуратно перекладывал документы.

#

«Кто пустил самолетик?»

#

В складке крыльев виднелась надпись: «Хранитель семейных историй».

#

«И что это значит?»

#

Будто сыщик в детективе, она подняла листик, рассматривая на свету. В правом нижнем углу выдавлено без чернил – адрес и время, 10.00, завтра. Девушка покрутила странное послание, украдкой вдохнула аромат. Бумага, кофе, слабые ноты древесного парфюма.

#

Альпинист ее воображения разбил палатку на перевале. Молодость сдала билеты.

Утро следующего дня принесло новые сюрпризы.

#

– Мужчина оплатил заказ, – официант улыбнулся и торжественно поставил на стол изящный букетик полевых цветов, а вслед за ними, между кофе и круассаном лег бумажный самолетик.

#

– Пойдите, – официант оглянулся, – а где он сам?#

Парень в черной рубашке пожал плечами:

– Уже ушел.

Лана хотела спросить, как выглядел мужчина, но постеснялась и, выдохнув волнение, глотнула кофе. На гладком, блокнотном листе значилась надпись: «Хранитель семейных историй». Самолетик источал древесный аромат. В нижнем левом углу – новый адрес и то же время: 10.00, завтра.

#

Кофе, цветы и послание ждали ее и следующим утром, а вот ответов не было.

#

Она бежала. Хотелось выплюнуть легкие. Стены коридора смазались.

Бумажный самолетик настигал, шурша ужасом.

Лана ускорила, мышцы взорвались отчаянием.

Со стены выпрыгнула тень:

– Хранитель семейных историй, – проскрежетал сгусток тьмы и наставил пальцы пистолетиком. – Кто сказал, что они добрые?

Из пальцев вырвалась пуля. Лана задохнулась криком.

Вязкая тень самолетика опустилась на грудь. Она резко дернулась и села в постели.

##

От жуткого крика драло горло. В левом виске медленно бухал кузнечный молот, выбивая набатом странную мысль: «А что, если послания мне привиделись?»

Она повернулась к столу. Три самолетика. Два букета.

Одна надпись: хранитель семейных историй.

«Розовая романтика окрашивается в красный хоррор?»#

Хрустнул венчик цветка. Поцарапал пятку. Лана подняла цветок, чтобы рассмотреть получше.

Ей никогда не снились такие правдоподобные кошмары. Может, цветы галлюциногенные?

Ландыши благоухали свежестью.

#

«Нужно перестать читать триллеры». Девушка тряхнула волосами и решительно поднялась.

Наваждение кошмара не рассеялось. Повисло в воздухе образом серийного маньяка и мешало собираться на свидание.

#

– 9.50, – подмигнули часы, и Лана с сомнением закрыла дверь. Опаздывает.

Она сбежала по лестнице и едва не кувыркнулась.

Липкая капля ужаса стекла между лопаток.

На нижней ступени невинно застыл бумажный самолетик.

Пальцы подрагивали то ли от холода, то ли от страха, но кофе в картонном стаканчике опасно колыхался. Горький напиток захватил мир и пробрался в душу, а еще почти в каждый двор. Станции дозакправки для людей. Черная бодрость и привычка с молоком: «Не знаешь, что делать? Выпей кофе».

#

– Андрей! – проходивший мимо сосед оглянулся.

– Лана?

– Где хранятся семейные секреты?

Парень споткнулся и пролил на темное пальто кофе.

– В могиле, – зло прошипел он, пытаясь очистить одежду. – У тебя все хорошо?

Лана отстраненно кивнула. Сосед не поверил, но бросив:

– Пока! – ушел.

– В могиле, – тихо повторила она и развернула послание.

«Хранитель семейных историй!»

Точка восклицательного знака продавала лист насквозь.

В левом углу выдавлено: «сегодня».

#

Если смотреть через поднимающийся пар, реальность расплывается, превращаясь в намек.

##

Девушка подняла самолетик. Бумага, окутанная кофейным ароматом, дрогнула и на ней медленно проявились буквы:

«Вспомни заветное желание».

Сердце пропустило удар. Невидимые чернила из сладкой воды. Надпись проявляется при нагреве. Совсем как в ее книге.

#

Через пять минут она села в такси.

– Старое кладбище за городом.

– Метель обещают, – буркнул водитель.

«Это ведь логично. Хранитель семейных историй – склеп или могила.

Но что за семья?»

#

Метель началась, когда она подошла к старому тису, его веточка выделялась в первом букете.

На вычурном надгробье горела лампада, освещающая надпись:

«Истинная любовь – это свет путевой звезды, она не гаснет».

Порыв ветра бросил в лицо колючие снежинки.

Лана натянула повыше воротник и заметила в стороне расчищенную табличку: «Ландышева Мария».

#

Белые колокольчики второго букета. Многозначный символ. Корень ландыша, Соломонова печать – с его помощью искали клады. Она прочитала об этом, когда писала новую главу.

У самого надгробья торчала стрела. На оперенье сверкал ключик.

#

Метель рвала в клочья пышные сугробы. Взгляд споткнулся о книгу в руках печального ангела.

#

«Вспомни заветное желание».

Девушка бережно стряхнула снег с каменной книги.

«Оно исполнялось сейчас, я будто стала героиней собственного романа. Обязательно допишу».

К книге крепилась маленькая коробочка. Не с первой попытки, она вставила ключик.

На красном атласе беззащитно выделялась звездочка эдельвейса.

«Пожалуй, такое признание в любви еще красноречивее первой фразы».

#

В этот момент гроыхнул выстрел.

#

Девушка по инерции упала на колени, прикрывая голову руками. И только спустя бесконечную секунду поняла, что сквозь зажмуренные веки виден свет.

#

Искры фейерверка догорали в снежной кутерьме.

#

В трех шагах стоял Димка и нос у него был красным, как... она не смогла подобрать сравнение, потому что в руках он крутил переливающееся гранями колечко.

#

– Ты в курсе, что делать предложение на кладбище в метель, это как-то... – Лана недоговорила. Димка шагнул вперед и надел кольцо на ее окоченевший палец.

– Ты чокнутая писательница.

Ее счастливый смех распугал даже снежинки.

– Но при чем тут хранитель семейных историй?

– С него начинается наша семья.

#

Альпинист спустился. На крыше мира не видно мира, да и холодно. Он осознал, что любит смотреть на девичьи голени и пить чай.

Татьяна Юрченко

@ta_nia6988

ВАЛЕНТИНА

Деньги – зло. Все мужчины – никчемны.

С этими убеждениями я и жила. Стала разбираться, откуда они у меня? Вспомнила свою бабушку, Валентину. Мама допоздна была на работе, и бабушка рассказывала о своей жизни, не замечая, как на магнитофон детской души пишутся родовые программы.

* * *

До революции семья Валентины имела лошадь, корову и плантацию табака. Никогда Валя не была голодной или раздетой. Мама шила, отец мастерил упряжь для лошадей, иногда и телеги делал.

#

Когда батюшка возвращался зимой из леса, давал детям замерзший кусочек хлеба и говорил: «Это вам зайчик передал». Ребяшня утаскивала этот кусок на теплые полаты и придумывала подробности встречи отца с зайцем.

#

Потом, со степным казахстанским ветром в деревню Черемушки, что под Семипалатинском, пришла советская власть. Корову Зорьку угнали в общее стадо, она мычала в дырявом

сарая от нехватки еды. Голод запускал свои тощие руки в амбары всей деревни. Началось раскулачивание.

#

Восьмилетней Вале пришлось идти «в люди», в семью начальника железнодорожной станции. Мать обрядила Валентину в свою темную, длинную юбку и повязала платок. Девочка стала похожа на маленькую старушку. Серые глаза потемнели от слез.

– Иди, доченька, мне нечем тебя кормить, – еле сдерживая рыдания, сказала мама.

#

У начальника станции приходилось стирать и готовить на всю семью. Валентину никто не жалел, руки болели от холодной воды, в которой полоскала белье, да от укачивания хозяйского сына.

– Бывало, усну калачиком, а хозяйка как ткнет меня в бок: «Вставай! Ребенок плачет». – Протру кулачками глаза и качаю колыбель до утра. Сгубила мое детство власть пролетариата. Нашу семью объявили кулаками. Виноватыми сделали за наш же труд. Будь оно проклято, это богатство...

* * *

Бабушка плакала, а у меня записалось: «Богатство – это плохо. Сиди, не высывайся».

В 18 лет Валентина переехала в город Джамбул. Была молодость и весна. Вышла замуж за самоучку-гармониста Ивана. Он был слесарем, а по выходным играл на свадьбах. Де-

нег за музыку не платили, лишь спаивали парня. Валя терпела. Приучена была терпеть.

#

В 41-м война начала собирать жертвы. Получила похоронку на мужа. Глаза стали цвета металла, чувства застыли чугуном. Плакала.

Страны-союзницы присылали помощь вдовам погибших. Валентине досталось серое американское пальто из кашемира. Оно ей шло, но не могло заменить мужика.

#

В 46-м Иван прислал письмо. Мол, жив, был в плену, теперь охраняю заключенных в уральском Карабаше. Люблю тебя, приезжай.

– Если зовет, значит, надо ехать, – так рассуждала Валентина.

Ее отец выполнял свои обещания, и силе мужского слова она доверяла. Решила довериться и мужу.

Теплый Джамбул променяла на зимний Карабаш. Свой домик Валентина продала, а в Карабаше пришлось жить в стогу сена, наваленном в спортзале школы. Обеспечить семью жильем Иван был неспособен. Он и жену вызвал в надежде, что дадут ему комнатку, как семейному. Сам жил в казарме, а жена с дочкой в стоге сена. Голодовали.

#

Серое американское пальто Иван пропил. Отнес его на базар, а деньги Вале не отдал.

#

Потом женился на поварихе. От нее ближе ходить на работу, да и корова есть. А покушать Ваня любил.

* * *

Серые бабушкины глаза опять темнели от слез. Невозможно такое простить. Как падает вера в мужчин. Падает и разбивается...

#

Я тоже плакала вместе с бабушкой. Представляла, как это: ты живешь в стогу сена в холодном спортзале, а твой муж пьет молоко в теплом доме. Моя вера в мужчин генетически уничтожилась этой историей.

#

Помоги мне, бабушка, хоть тебя давно уже нет.

Ты хранительница наших семейных историй.

На твоих рассказах я училась жизни.

В глубине рода поверь, что деньги – это не зло, и мужчины не никчемны.

Екатерина Сиротина

@solodova2326

ШПИЛЬКА

Осень. Свет тусклого дня отражался в луже на полу – с потолка капала вода. Шпилька лежала в божнице за иконами и смотрела, как старая, черная от дождя яблоня стучит веткой в окно. Воспоминания калейдоскопом проносились в памяти.

Вот маленькая Маша уронила ее на пол.

Шпилька звонко зазвенела о печной приступок и упала на темный пол. Девочка испуганно оглянулась. К ней спешила бабушка:

– Опять озорничаешь? Кто разрешал лазить? Вот уж родители приедут, я им все расскажу, – бабушка тяжело опустилась на колени и, перебирая непослушными пальцами сор, осколы от дров, начала искать шпильку.

– Да ба, зачем тебе? Она ж страшная. Перекрученная, темная. И края острые. Хочешь, я у мамки шпилек возьму? У нее с камешками цветными есть.

– Глупая ты, внуча. Это память о маме моей. Только шпилька и осталась... Меня ведь дядька вырастил. Жестоким был. Не тем помянуть. Прости, Господи, – бабушка встала с колен. Повернулась в темный угол, где стояли иконы, пе-

рекрестилась. – Сказывал, что мамка моя шибко умная была. Меня малую к своему брату отправила, а сама училась, училась, а потом с балкона и сбросилась. С ума сошла, так дядька говорил.

– А моя мама не сбросится? – Маняша от испуга застыла.

– Не, мамка твоя профессор уже, поздно ей бросаться... Все, хватит. Спать пора. Иди, Манятка, молоко пей, и в кровать.

Антонина Петровна тщательно обернула шпильку в кружевную салфетку и убрала ее за иконы.

Шпилька вернулась в темное затхлое тепло...

А как все начиналось! Она блистала в волосах Марии Александровны. Лекции, диспуты, студенческие вечеринки. Маша никогда ее одну не оставляла. Всегда с собой брала. Амулетиком называла. И не зря. Шпилька – свадебный подарок. Петя сам ее сделал, из серебряного иконного оклада вытянул.

И маленькая Тошенька с ней играть любила. Хорошо они жили – Маша с Петей, и их маленькая доча. Хоть и в одной комнатухе, а дружно.

Что потом случилось, Шпилька помнила плохо. Петя куда-то пропал. Маша стала рассеянной, вот и в тот день пучок толком не заделала. Шпилька все время боялась вывалиться и упасть на грязную мостовую.

Вокзал. Шум, народ, чад от паровозов. Гудок.

Маша передала дочку какому-то мужику. Тошенька рас-

кричалась, вцепилась в мамины волосы, выдрала Шпильку. Больше она старшую хозяйку не видела.

Шпилька перебирала воспоминание за воспоминанием.

Вот Маша почти девушка. Странный возраст – перепутье – не взрослая, но уже и не ребенок. Прижалась к бабушке.

– Баб Тось, а как вы с дедом познакомились? Как поняла, что он тот самый, единственный?

Бабушка помолчала. Потом сказала:

– Мой жених, внуча, погиб. Какая тут любовь.

#Девушка отпрянула.

– А зачем же за деда замуж пошла?

– Семьи хотела. Деток своих, – Антонина Петровна отвечала тихо, смотрела в пол, только пальцы беспокойно поглаживали Шпильку.

А Шпилька лежала в ее руках, и они вместе вспоминали.

1945 год. Наши наступали и Победа была близка. Но новобранцы – юные семнадцатилетние мальчишки – уходили на фронт. А возвращались сухими словами в похоронках.

Так и Тосин Сережка. Жениться обещал, от постылого дядьки в свой дом забрать. Не забрал.

Уходил в январе. Стужа стояла – птицы на лету мерзли. Но в колхозной конюшне – тепло. Прощались долго.

В апреле пришла похоронка. А в мае Тося вышла замуж. За мужика, что три года вокруг нее увивался. Завидный жених – с руками и ногами, всю войну под бронью трактористом проработал. Выпить, правда, любил. А как выпьет,

в зверя превращался. Но ей выбирать не приходилось.

В сентябре у них родилась дочь...

Дочка выросла – умная, бойкая, говорливая. Захотела учиться в городе, и как Антонина Петровна не просила, от своего не отступила.

Шпилька пошла темными пятнами от тяжелых воспоминаний.

В тот день хозяин пришел рано. Красная кожа на его круглом лице лоснилась от пота и жира, в комнате запахло перегаром, смешанным с табаком и навозом. Снял плащ и бросил его на кровать, стряхнул на пол глину с сапог.

– Прибери тут... И жрать дай, – он грузно сел на диван. Икнул.

Тося не отрываясь смотрела в окно. Вот дочка скрылась за соседским забором – сбежала.

– Где дочь? – муж внимательно смотрел на нее.

– Уехала. Она ж тебе говорила. В техникум поступила. И уехала, – Тося повторялась, но остановиться не могла. Как будто ее слова что-то могли изменить. Или оттянуть неизбежное.

– Ах ты, сука... – он подошел и намотал ее волосы на кулак, – я ж вам... все сказал... Убью...

Длинно и грязно выругался. Оттолкнул жену. Толстая прядь волос осталась в его руке. Тося упала на спину, вытащила из кармана Шпильку, сжала ее.

Он подошел и только хотел пнуть, как в ногу ему вонзи-

лось железо.

– Ах ты, шлюха, – заорал он, – ты что делаешь? Совсем ку-ку стала? В мамашку свою пошла? – Ладно, говори, куда уехала. Привезу завтра. И ногу обработай. Прощу на первый раз, – он зевнул.

– Не скажу. Не привезешь. Дочь будет учиться. И меня больше не тронешь, – Тося встала с пола, расправила юбку.

– И что ты сделаешь? Я тебя, прошмандовку, беременную взял. Хочешь, все узнают?

– Да и узнают, что с того. Я тебе отслужила за это, – она подошла к мужу.

– Я от тебя ничего не скрывала. Ты сам решил, что это и твоя дочь тоже. А меня тронешь, убью. Слышишь, я тебя убью, – она плакала, задыхалась от слез.

Дочь далеко, и позор матери ее не достанет – Шпилька понимала свою хозяйку. Не зря та ночами нашептывала ей все свои секреты. Но муж от Антонины Петровны не ушел, так и жил с ней до смерти. Правда, не бил больше. Словами измывался.

А вот и последнее воспоминание. Маша привезла бабушке какие-то бумаги и Антонина Петровна, подслеповато щурясь, прочитала: «Мария Александровна Большакова по-смертно реабилитирована...» Прижала к губам эти листки и плакала: «Мама, мамочка, мама...»

Похороны хозяйки Шпилька вспоминать не хотела и застыла в металлической неподвижности. Вдруг хлопнула

дверь. Девушка взяла Шпильку, прижала к теплым губам и спрятала в карман на куртке. Шпилька слышала стук ее сердца.

– Шпилька, шпилечка, как же мы тебя смогли здесь забыть...

Лариса Аксенова

@laritravel

ЧТОБЫ НЕ ПОТЕРЯТЬ НИ МИНУТКИ

Тук-тук-тук, тук-тук-тук.

Локомотив протяжно свистнул, приветственно обдал меня волной горячего шумного воздуха и пронесся мимо, пересчитывая колесами ребра-шпалы.

Я помахала ему вслед, как старому знакомому.

Так получилось, что моя жизнь сплелась с железной дорогой в тугую косу. Куда бы ни шагнула – везде она. Со своим ни с чем не сравнимым запахом приключений и креозота, черной пропитки для шпал. Каждый раз, когда меня настигает этот запах, сердце начинает стучать в такт колесам: тук-тук-тук, тук-тук-тук. И мысли уносятся в одну из поездок, уже прошедших или только предстоящих.

Вот и сейчас нахлынуло.

Помню, мне 5 лет. Мы едем в плацкартном вагоне с бабушкой, дедушкой и маминими младшими сестрами из Мариинска на Дон, в Лиски. Едем к прабабушке в гости. Лето, жара, в открытую форточку купе залетает теплый ветер и тепловозная сажа. Дорога неблизкая, 4 дня пути. Ребенка все развлекают как могут, заодно обучают чтению. На третий день я уже вполне сносно, по слогам, читаю про Машу,

которая не давала медведю сесть на пенек и съесть пирожок. Бабушка, желая похвалиться талантливой внучкой перед соседями, спрашивает:

– Ларочка, а что это за станцию мы проезжаем, подскажи нам?

Ларочка не замечает здания с надписью, но видит крупные буквы на ограждении. Громко, внятно, на весь вагон читает:

– Сла-ва К-П-С-С.

И гордо оглядывает неграмотную публику.

Или вот еще из детства.

Мне 10. Едем вдвоем с шестилетним братом Юрой из Барнаула в Мариинск, на каникулы к бабушке-дедушке. Ехать всего-то 14 часов, вечер и ночь. Нас разместили в первом купе и поручили проводнику присматривать за детьми (Советский Союз, что вы хотите).

#

Быстро управились с картошкой в мундире и курицей, которыми мама снабдила в дорогу.

Пересчитали все деревья за окном. Почитали на ночь про гусей-лебедей. Наконец я уложила брата спать на соседнюю нижнюю полку и безмятежно уснула сама.

#

Часа через два проснулась, для порядка проверила соседнюю постель и в ужасе шлепнулась обратно.

Ни на полке, ни под ней Юрика не оказалось. Так же, как

и во всех купе нашего плацкартного вагона, обоих туалетах и тамбурах. Рванула искать проводника. Он тоже исчез!

#

– Мааааа! – как и положено десятилетней девочке в ту-пиковой ситуации, принялась плакать.

Через пару минут из ближнего тамбура донеслись какие-то голоса и шуршание.

#

Бегу туда и застаю такую картину: мой шестилетний брат, утирая грязной ладошкой потный лоб, деловито помогает проводнику выгружать из ящика уголь. Физиономия вся в черных разводах, голубые глазенки радостно блестят.

Уголь они притащили из соседнего вагона, чтобы топить обогревательный котел. В нашем топливо закончилось, а сезон был уже не летний.

#

Одарила проводника убийственным взглядом: взрослый же человек, понимать должен!

От души наподдавала брату, сгребла юного кочегара в охапку и до утра не спускала с него глаз.

Дальше – больше.

Мне 19. Уже закончила второй курс железнодорожного института (да, и это тоже) и еду проводником в свою первую поездку в стройотряде.

Маршрут Новосибирск – Симферополь. Дорога вьется через сибирскую тайгу, уральские горы, приволжские просто-

ры и донские степи.

Только что проехали те самые Лиски. Поезд набрал хорошую скорость и весело несется к морю. Дорога делает крутой вираж вокруг холмов.

В этот момент из купе проводника (а проводник-то я) начинается отчаянно верещать датчик в панели управления. Сообщает, что перегрелась букса. Это такая штука в колесной паре. Если с ней что не в порядке – может произойти страшное. Отвалится колесо, например.

В инструкции сказано, что в течение 5 минут нужно остановить поезд. Отправляю напарницу срочно искать механика. А сама, уставившись на мигающую красную кнопку, отсчитываю драгоценные минуты.

Пять, четыре, три. Датчик верещит как резаный, пассажиры в панике заглядывают в купе и интересуются обстановкой. Улыбаюсь, успокаиваю. Но уже мысленно прощаюсь с жизнью.

Две минуты, одна. Ни напарницы, ни механика все нет. Связи с машинистом и бригадиром, разумеется, тоже. Это ж 1984 год – ни сотовых, ни раций.

Поезд мчится на крутом вираже со скоростью примерно 100 км в час. А, я как чертов Бэтмен, кидаюсь его спасать. Глубоко вдохнув, рванула опломбированную красную ручку. Стоп-кран.

Вы когда-нибудь дергали стоп-кран на полном ходу, когда поезд идет креном на повороте? Как-нибудь попробуйте.

Незабываемо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.